

Ю.В. Стулов

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ АФРОАМЕРИКАНСКИЙ РОМАН

Расцвет мультикультурализма пришелся в США на середину 1980-х годов. Благодаря достижениям движения за гражданские права, вовлекшего в свои ряды миллионы американцев разного цвета кожи, верований, пола, возраста, общество на юридическом уровне закрепило права личности и обеспечило новые возможности этническим и прочим группам, которые на протяжении столетий подвергались унижениям и всяческим формам дискриминации. Различия и противоречия между ними, которые долгое

время замалчивались или игнорировались, стали предметом бурных общественных дискуссий и привели к тому, что концепция национального единства, выраженная в идее «плавильного котла», претерпела серьезные изменения, превратившись в идею «салатной миски», а затем и «пиццы». Признавая принцип плюралистичности, множественности, новейшая культура США вместе с тем демонстрирует и обратный эффект – фрагментарности, потери целостности и цельности, что находит свое отражение как в содержательном плане, в том числе в проблеме героя, так и в формальных изысках современных художников. В отличие от предшествующего периода с его выделением доминантной культуры как образцовой, мультикультурализм подчеркивает ценностные ориентации отдельных групп и сообществ, а в своей радикальной форме, по мнению Луиса Менанда, настаивает, что «наши воззрения и суждения могут быть только функциями того, кто мы есть, – нашего «положения субъекта» [1, р. 346]. Соответственно доминантная культура обвиняется в европоцентризме, утверждении патриархальных воззрений, сексизма, расовых предрассудков, о чем свидетельствует почти полная монополия белых писателей-мужчин англосаксонского происхождения на репрезентацию в американской литературе на протяжении всей истории американской литературы едва ли не до последних десятилетий XX века.

Среди основных факторов, определивших влияние мультикультурализма на жизнь современного общества проф. С.П. Толкачев совершенно справедливо выделяет внутреннюю политику тех или иных стран, которые «вынуждены изыскивать новые законы внутреннего общежития, связанные, в первую очередь, с кодексом политкорректности и стремлением совместить культурные и этические потребности огромного числа народностей (США, Великобритания, многие европейские государства)», а также «политэтнический контекст жизни той или иной страны» [2, с. 20]. Бурные события 1960-х годов показали, что американское общество более не намерено терпеть угнетение и бесправие огромного числа своих граждан и требует перемен, которые выразились в том числе и во всплеске мультикультурализма. Большую роль в избавлении общества от расовых и гендерных стереотипов сыграли антисегрегационные институты, в первую очередь, Верховный суд США, который, начиная с 1954 года, принял целую серию законов, которые запрещали расовую, а потом и гендерную дискриминацию, что привело к серьезным сдвигам в общественном сознании.

Нельзя не остановиться на соотношении понятий «мультикультурализм» и «этнические литературы», поскольку эти понятия нередко употребляются едва ли не как тождественные, что, на наш взгляд, неверно. Мультикультурализм – явление последних десятилетий XX века, в то время как некоторые этнические литературы имеют уже длительную историю и сформировали свой литературный канон. Не уходя далеко в генеалогию афроамериканской литературы, достаточно упомянуть, что первые произведения афро-американцев возникают уже в XVIII веке. Первой общепризнанной черной поэтессой стала Филис Уитли (1753–1784), чье творчество показало самобытность ее голоса как афроамериканки и заложило основы развития афроамериканской поэзии. К концу XX века афроамериканская литература стала одной из наиболее интересных и важных ветвей национальной литературы США, в то время как такие явления литературы мультикультурализма как азиатоамериканская, италяноамериканская и т.д. только начинают формировать свой канон, к тому же в большой степени опираясь на язык предков. Для афроамериканцев английский язык является родным и единственным, хотя и имеет свои специфические черты, выражающиеся в так называемом «черном английском» как диалекте американского варианта английского языка. Вместе с тем эпоха мультикультурализма открыла доступ к афроамериканской литературе широким читательским кругам, обеспечив возможности публикаций, рекламу, продвижение на книжном рынке, включение произведений черных американцев в университетские курсы, что в США является знаком академического признания.

А.В. Вашенко верно определяет специфические черты этнодискурса: «наличие и утверждение ценностей своей культуры; присутствие специфических разновидностей героя (оригинальных по сути), конфликта и сюжета, отражающих этнокультурные «вертикали»; наличие соответствующих приемов повествования». В результате в этнодискурсе «мультикультурализм ...служит именно задачам самоопределения художника» [3, с. 27]. Именно этим определением мы и будем пользоваться при анализе современной афроамериканской литературы.

1970–90-е годы отмечены бурным всплеском литературы черных женщин. В то же время нельзя не заметить, что значительные произведения, написанные писателями-мужчинами, оказались на периферии внимания читающей публики и критики. Уже то, какой упор делался на публикации книг черных писателей, свидетельствует о политическом подтексте явления. Чарльз Джонсон, один из крупнейших современных афро-американских писателей, философ, мыслитель, обладатель двух Пулитцеровских премий, пишет о том, что на самом деле «в 1980-е гг. не было ничего, что напоминало бы формальную полемику между черными писателями-мужчинами и женщинами. Что было в действительности, так это согласованные усилия литературного мира продвинуть творчество черных женщин (многие из которых достаточно посредственны) по сравнению с черными писателями-мужчинами. Вы должны понять, что с исторической точки зрения черные мужчины представляли собой большую опасность для белых муж-

чин, чем черные женщины; эта ситуация уходит к первым дням рабства в Америке. Для белого черный мужчина – соперник: в том, что касается и работы, и женщин, и т.д. Поэтому для белых было нетрудно поддержать черных женщин, а не черных мужчин» [4]¹. Издательства вкладывали огромные средства в продвижение афроамериканских писательниц, игнорируя мужской голос.

Гендерное неравенство на протяжении всей истории афроамериканцев было постоянным источником напряжения во взаимоотношениях мужчин и женщин и не могло не стать одной из важнейших тем в творчестве черных писательниц, которые вынуждены были пройти через болезненный процесс признания со стороны читающей публики и критики, упорно отказывавшихся видеть в них художников. К. Тейт безусловно права, настаивая на том, что «нигде в Америке социальное пространство (the social terrain) не является более сложным и противоречивым, чем там, где пересекаются расовое меньшинство и так называемый слабый пол» [5, р. xv]. Понятно поэтому, почему главной их темой становится воспевание красоты, стойкости и мужества черной женщины. Создавая ее положительный образ, афроамериканские писательницы одновременно отстаивали радикальную программу развития литературы черных американцев, показывая взаимопереплетение проблем расы, класса, гендера и сексуальности. Им удалось свести воедино наиболее актуальные вопросы, которые должно было решать общество, подчеркивая при этом свой вызов европо-американскому культурному империализму через утверждение своей групповой и личной идентичности как «инаковой» с точки зрения культуры и истории. В своих произведениях они по-новому рассматривают конструкцию понятий «белый», «черный», отношений власти/силы, доминирования/угнетения, взаимоотношений женщин между собой, сексуальности, гомофобии и связанных с ними проблем, делая это на беспрецедентно высоком художественном уровне. Этим объясняется огромный резонанс их творчества, вызвавший рост издательств, печатающих произведения афроамериканских авторов, увеличение количества журналов, газет, передач на радио и телевидении, критической литературы, исследующей тенденции в развитии литературы афроамериканцев, введение курсов афроамериканской литературы в университетах, появление кафедр и центров афроамериканских исследований.

Среди наиболее актуальных вопросов современного американского литературоведения и соответственно всех, кто занимается изучением и преподаванием американской литературы во всем мире, стала проблема канона, которая вышла на передний план в последние десятилетия, что связано со значительными изменениями в общественно-политической и культурной жизни мирового сообщества, которое, с одной стороны, стремится к преодолению границ и барьеров, а с другой, судорожно реагирует на тенденцию к дальнейшей фрагментации, проявляющейся как в отношении групп (этнических, расовых и т.д.), так и отдельной личности, складывающейся из мозаики составляющих ее элементов. Результатом стал выход таких солидных изданий, как «Нортоновская антология американской литературы», «Хитовская антология американской литературы» и других антологий, осуществленных группами виднейших американских литературоведов и критиков, представляющих различные школы и направления литературоведческой мысли. Они отражают современное состояние канона и включают тексты, которые, по мысли составителей, выдержали испытание временем в силу своей содержательности и несомненных эстетических достоинств, благодаря чему они привлекли внимание читателей в разных странах мира, преодолев границы собственной страны.

В результате потребовалось пересмотреть основные концепции и заново определить ключевые термины, которые включают отношение и позиции так называемых литератур меньшинств, которые включают в себя различные социальные и этнические группы. Литературы афроамериканцев, индейцев, азиатскоамериканцев ищут выход на авансцену литературного процесса, подвергая канон существенным трансформациям. Достаточно отметить, что новейшая афроамериканская литература превратилась в одну из наиболее динамичных ветвей американской литературы и ее «экспортный» продукт, так как сконцентрировалась на индивиде, который отчаянно пытается разобраться с хаосом жизни эпохи позднего капитализма, и смогла найти адекватные артистические формы для исследования проблем рабства, расизма, черных и белых мифов и стереотипов. Создание крупных издательств, специализирующихся на издании произведений мультикультурных и этнических авторов, способствовало усилению их присутствия в каноне. А тот факт, что современная афроамериканская литература приветствует человеческие усилия, направленные на достижение истинного равенства наций, групп и людей, что соответственно выражается в каноне, свидетельствует о серьезности процесса пересмотра канона и проблемы репрезентации. Как справедливо замечает известный афроамериканский мыслитель Корнел Уэст, которого чрезвычайно волнует вопрос о стремительной унификации американской культуры, если не остановить этот процесс, то «мы как нация исчезаем, потому что мы становимся уникulturой. У нас одни вкусы, мы все высказываемся в пользу одного и того же» [6, р. 19].

Очевидно, что до недавнего времени академический литературный канон в США был эксклюзивным: «общие представления о нашем образе жизни» представляли лишь один фрагмент американского

---

¹ Здесь и далее по тексту – перевод автора.

общества; «канонизация» распространялась только на литературу основного потока, в котором преобладали только мужчины-писатели с белым цветом кожи. Нельзя не согласиться с К.У. Эппиа, который прямо говорит, что «политика англосаксонского национализма исключала афроамериканскую культуру из официального американского канона» [7, р. 287]. Однако это мнение можно с таким же успехом отнести и к другим культурам американских меньшинств. Можно сделать вывод о том, что до недавнего времени канон служил разделяющим фактором, отсекавшим мультикультурную литературу.

Среди других разделяющих факторов следует упомянуть и пол. Абсолютное большинство канонизированных в недавнем прошлом авторов были белыми мужчинами. Даже белые женщины были весьма относительно представлены в каноне, хотя среди наиболее значительных писателей последних столетий были и Эмили Дикинсон, и Эдит Уортон, и Маргарет Фуллер, и Анаис Нин, и целый ряд других выдающихся писательниц.

Если же взглянуть на этнические литературы, в частности, афроамериканскую, то сразу становится ясно, что на протяжении двух веков «выдающиеся литературные произведения», то есть те, которые вошли в антологии, были, как правило, гомогенными: в этих произведениях почти отсутствовали женщины и представители маргинальных групп. Сами условия жизни и принятые нормы не позволяли женщинам принимать активное участие в литературном процессе. Ситуация начала меняться лишь в 1960–70-е годы, когда появилась чрезвычайно талантливая группа черных женщин-писательниц, которые нанесли серьезный удар по однородности и монолитности афроамериканской литературы. Стало очевидным, что «нет более единого канона, но есть много канонов. ... Литературную историю продолжают осторожно писать, но сейчас это история, которая пересекается с другими историями, затрагивающими политику, экономику, взаимоотношения рас, роль женщин в обществе и многое другое» [8, р. xi]. Сама проблематика и высочайший уровень женской афроамериканской прозы не могли не привлечь пристального внимания как обычного читателя, так и литературной критики, которая до этого заключала этнические литературы в некое подобие культурного гетто. Весьма созвучным времени оказалось то, что в афроамериканской литературе, как, впрочем, и в мультикультурных литературах, серьезное внимание уделяется тем аспектам личности, которые, по мнению М. Фуко, «позволяют индивидам ... повлиять на свое тело, душу, мысли, поведение и способ существования, чтобы достичь определенного состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или вечности».

Путь к признанию и участию в формировании канона был сложным для черных женщин-писательниц. Исторические и культурные стереотипы исключали их из процесса создания литературных произведений. Писательницам пришлось доказывать, что их произведения являются произведениями искусства. Однако у них была традиция, на которую они могли положиться. Филлис Уитли, Соджорнер Трут, Нелла Ларсен, Энн Петри и другие черные писательницы демонстрировали писательский потенциал черных женщин, который до этого сводился обычно только к черной музыке. Однако к разительным переменам по отношению к черным женщинам-писательницам привело творчество Зоры Нил Хэрстон, которая направила внимание черных женщин-писательниц на вопросы идентичности черной женщины, четко отличающейся от чьей-либо еще идентичности. Отразив сложность и уникальность черной женщины, она также показала всю глубину их растерянности и боли. Более того, она выделила множественность их судеб: все ее героини шли своими путями. Хотя ее собственный путь к литературной канонизации оказался чрезвычайно тернистым, она оказала огромное влияние на новое поколение афроамериканских женщин-писательниц, дав им четкую идеологическую установку и художественную форму литературных произведений, направленных на развитие устных традиций творчества черных женщин. На примере использования черного фольклора она учила их, как сохранить свою самобытность, не замыкаясь в этническом культурном гетто. Под ее влиянием афроамериканские писательницы бросили вызов власти черных мужчин-писателей и изменили литературный канон, создав школу афроамериканских женщин-писательниц.

Эта школа основывается на целом корпусе текстов, создаваемых в течение двух веков, и включают таких разных авторов, как Эллис Уокер, Глория Нэйлор, Поль Маршалл, Тони Кэйд Бэмбэра, Джун Джордан, Тони Моррисон, Терри МакМиллан и многих других. Они отказываются быть заключенными в рамки гетто и отрицают стереотип женщины как пассивного существа, подчиняющегося мужчине. Пересмотр патриархального канона оказался неизбежным. Но при этом возникает вопрос: ведь существует целый ряд других меньшинств, которые также жаждут быть представленными в каноне. Является ли канон открытым новым тенденциям, или он все-таки является результатом отбора, основанного на читаемости текстов, их использовании в академической среде, их влиянии на литературный процесс в целом? Даже беглое знакомство с произведениями, включенными в новейшие антологии, показывает, что это происходит лишь частично. Требуется, помимо всего прочего, время, которое позволит выяснить истинное значение той или другой литературной фигуры, того или иного произведения. Все это делает чрезвычайно важным необходимость внимательного изучения литературного процесса, дабы верно оценить новые явления, новые имена, новые подходы. Ведь даже в афроамериканской литературе нет одного

понимания «черноты», одного отношения к окружающему миру, о чем свидетельствует творчество новейшего поколения афроамериканских авторов, которые теперь включают в себя и азиатоафроамериканцев, афроамериканцев с индейскими корнями и т.д.

Происшедшие изменения в положении мужчины в общественном сознании нашли свое отражение в достаточно противоречивом (с гендерной точки зрения) творчестве черных писателей-мужчин. Обнаружив, что женщина больше не согласна на роль безголосого, бесправного существа, они оказались в трудной ситуации, будучи не всегда в состоянии примириться со своим новым статусом. Теперь они ощутили опасность не только со стороны белых мужчин, отношения с которыми всегда были драматичными в силу сложившихся стереотипов на уровне подсознания, но и со стороны черных женщин, которые осмелились поднять голос как против расизма, так и против сексизма. Черные мужчины выступают против навязывания им масок жестоких животных, удовлетворяющих только свои страсти и стремление к власти, которое в силу невозможности своей реализации в условиях расистски настроенного общества находит выход в агрессии и дегуманизации окружающих. В подобной ситуации любовь превращается в сексуальное насилие, забота – в подавление партнера, дом – в арену непрекращающейся, изнурительной и бесплодной борьбы. Многие произведения таких писателей, как Ишмаэл Рид, Чарльз Джонсон, Эл Янг показывают опасность такого подхода. Эти авторы утверждают неправомерность столь упрощенного взгляда на жизнь, что выражается в романах-пародиях («Побег в Канаду» И. Рида), широко использованном пастиша, саркастическом взгляде на историю («Путь через Атлантику» Ч. Джонсона).

(Ре)презентация маскулинности в афроамериканской литературе, что является одной из задач романистов, принадлежащих к этой группе писателей, несет при этом особую нагрузку, поскольку неизбежно затрагивает такие сложные вопросы, как отношения между доминантной культурой и культурой меньшинства, приоритет расового начала над гендерным/сексуальным, доминирования мужчины и угнетения женщины, нормативности – отклонений от нормы, места черного мужчины в паре «белый – черный» и т.д. Создав миф о суперсексуальности черного мужчины и видя в нем зеркальное отражение собственных притязаний, расистское общество испугалось этого мифа и направило усилия репрессивной машины на то, чтобы не дать черному стать мужчиной, уничтожив его морально или физически до того, как он осознает свою силу. Зверские расправы ку-клус-клановцев над черными мужчинами, как правило, сопровождалась кастрацией, что свидетельствовало о патологическом страхе. Со своей стороны, следуя этому мифу, черное общество агрессивно насаждало в мужчинах стереотип «мачо», который не мог не иметь отрицательного воздействия на психику афроамериканца, так как лишал его права на индивидуальность, самобытность, а требовал уподобления стереотипу. Это объясняет, почему черные авторы, в первую очередь мужчины, столь внимательно подходят к этой проблеме, делая упор на моральной стороне вопроса и исследуя роль, которую играет черный мужчина в меняющемся обществе, выявляя ошибочность сформировавшегося в общественном сознании стереотипа. Необходимо отметить, что в последние годы «мачо» стал терять свое положение в качестве ролевой модели, а это связано, помимо прочего, и с реакцией на изображение черных мужчин как мачо в произведениях афроамериканских писательниц, которые сосредоточили внимание на ущербности такого героя, его неспособности конструктивно направить свою жизнь и жизнь близких. Потеря статуса болезненно сказалась на психологии мужчины, который должен уступать свое место на авансцене, что выражается в различного рода психологических и моральных травмах и потере уверенности в себе, без чего «мачо» как явление невозможен.

Романы последних десятилетий делают попытку проникнуть во внутренний мир дезориентированного мачо и жертв его разочарования и отчаяния. Маскулинность более не представляется как нечто цельное, единое: ей более не может быть дано однозначное определение, и ее нельзя далее сводить лишь к ролям, которые черный мужчина играет в белом мире. Все стало значительно сложнее. Герои романов последних десятилетий учатся принимать жизнь со всеми ее сложностями, преодолевая ненависть к себе и своему телу, отчуждение и саморазрушительные импульсы. Главными темами большинства романов 1980–2000 годов становятся проблемы идентичности, признание ценности жизни и любовь как преобразующая сила. Будучи вовлеченными в сложные общественные и личные взаимосвязи, герои ищут самоопределения, которое понимается как нечто уникальное, присущее только данному индивиду и стремящееся не допустить распада под влиянием внешних и внутренних сил, которые представляют угрозу цельности человека. Признание того, что центра больше нет, естественно ведет к децентрации, и в результате, по мнению Линды Хатчен, «...маргинальное и то, что я называю эксцентричным (будь то класс, раса, пол, сексуальная ориентация или этническая принадлежность) приобретает новое значение в свете того, что наша культура – не однородный монолит, а поэтому не может рассматриваться с позиции представителя среднего класса, то есть с позиции мужского, гетеросексуального, белого, западного сознания» [10, р. 12]. В центре произведений этих писателей оказывается молодой мужчина, терзаемый противоречиями и комплексами, но стремящийся обрести понимание того, кто он есть. Именно такой герой возникает на страницах книг М. Диксона, Р. Кенан, Дж. Уайдмена, Эла Янга и многих других авторов. Преодолевая стереотипы, открывая глубину человеческой личности, для которой раса является лишь

одним из аспектов идентичности, они показывают, сколь сложен путь человека к открытию себя. Они отбрасывают простые решения, основанные на дихотомиях, и призывают читателя взглянуть в сложность мира эпохи так называемого позднего капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Menand, L. Diversity / L. Menand // *Critical Terms for Literary Study* / Ed. By Frank Lentricchia and Thomas McLaughlin. 2nd ed. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995. – Pp. 336 – 353.
2. Толкачев, С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. Автореферат на соиск. уч. степ. д. филол. н. / С.П. Толкачев. – М., 2003. – 56 с.
3. Ващенко, А.В. Мультикультурализм и этнический дискурс в романах Анайи о Санни Бака / А.В. Ващенко // *Открытый мир: мультикультурный дискурс и межкультурные коммуникации: материалы международного симпозиума в рамках международной конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия–Китай–Монголия» (22–24 сентября 2006 г.)* / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 23 – 28.
4. Джонсон, Ч. Письмо автору от 8.11.2005.
5. Tate, C. *Psychoanalysis and Black Novels: Desire and the Protocols of Race* / C. Tate. – New York; Oxford: OUP, 1998. – 238 p.
6. West, C. *Restoring Hope: Conversations on the Future of Black America* / C. West // Ed. By Kelvin Shawn Sealey. – Boston: Beacon Press, 1997.
7. Appiah, K.A. Race // *Critical Terms for Literary Study* / K.A. Appiah // Ed. By Frank Lentricchia and Thomas McLaughlin. – Chicago & London: The Univ. of Chicago Press, 1995. – P. 274 – 287.
8. *Literary Influence and African-American Writers. Collected Essays* / Ed. by Tracy Mishkin. – New York and London: Garland Publishing House, 1996. – 389 p.
9. *Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault* / Ed. By Luther H. Martin, Huck Gutman, Patrick H. Hutton. – Amherst: the University of Massachusetts Press, 1988. – 166 p.
10. Hutcheon, L. *A Poetics of Post-Modernism* / L. Hutcheon. – London, 1996. – 268 p.